

А. Беляев

**Профессор Московской духовной академии П.
С. Казанский и его переписка с
архиепископом Костромским Платоном**

Выпуск 1

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. Беляев**
Профессор Московской духовной академии П.С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном:
Выпуск 1 / А. Беляев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 342 с.

ISBN 978-5-458-56614-8

ISBN 978-5-458-56614-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сѣяла въ немъ мать. До пятилѣтняго возраста П. С—чъ прожилъ въ селѣ Сидоровскомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ такъ описываетъ свою родину и свои первыя дѣтскія впечатлѣнія. „Едва помню я то село, гдѣ родился я. Въ какомъ то смутномъ воспоминаніи предстоитъ у меня въ воображеніи старинная церковь съ маленькими окнами, съ низкой колокольной. Подлѣ самой церкви, отъ востока къ западу, сходила внизъ къ рѣчкѣ дорога. Тамъ на полу-горѣ помню колодезь и рядъ деревенскихъ домовъ по горѣ, обращенныхъ къ востоку. Однообразная жизнь сельская оживлялась только ярмаркою 18 іюня. Въ это время съѣзжалось къ намъ много гостей. Помню, что съ четырехъ лѣтъ меня начали учить читать и пяти лѣтъ я читывалъ изъ четырехъ Евангелистовъ. Помню въ деревнѣ добрую Настасью, которая жила въ маленькой горенкѣ и плела узенькія тесмы; помню Юду портнаго, который сшилъ мнѣ одежду. Помню бурю, которая повалила у насъ сарай; помню сѣнокосъ, на который я выбѣгалъ съ грабельками и взлѣзалъ на стоги топтать сѣно. Помню добрую старушку Храмину, которая нянчила меня; помню, какъ еще въ Егорьевъ день чуть-чуть не забодали меня коровы“.

Пятилѣтнимъ ребенкомъ П. С—чъ оставилъ свою родину. Съ этого времени началась для него новая жизнь. „Мнѣ было пять лѣтъ, пишетъ П. С—чъ, когда обстоятельства заставили моего отца оставить это село и переѣхать въ другое. Только переправа чрезъ рѣку на паромѣ и за рѣкой господскій садъ, обнесенный каменною стѣною, остались у меня въ памяти изъ этого переѣзда. Двухъ недѣль не прошло на новомъ мѣстѣ, мы и моя мать остались одни безъ собственныхъ средствъ содержанія съ семью дѣтьми. Младшему брату моему было три мѣсяца. Попечителемъ нашимъ остался добрый дядя ¹⁾. Мы пріѣхали въ Москву, и что то дико, что-то страшно мнѣ стало среди этой многолюдной столицы, среди этихъ многолюдныхъ зданій. Старый добрый знакомый нашего дома П. В. Головинъ ²⁾ далъ намъ пріютъ

---

¹⁾ Преосвященный Кирилль, викарій Московскій, а впоследствии архі-епископъ Каменецъ-Подольскій.

²⁾ Павелъ Васильевичъ Головинъ, женатый на Княжнѣ Гагаринной, которая была подругой дѣтства матери П. С—ча.

безпріютнымъ. Помню и этотъ большой домъ, эту великолѣпную залу, которая казалась мнѣ такою большою. Часто возникаетъ предо мною и твой образъ добрый старецъ Головинъ. Всегда почти въ халатѣ, съ головою убѣленною сѣдинами, ты хлопоталъ и бѣгалъ самъ, тогда какъ многочисленная дворня тутъ же лежала и сидѣла, смотря какъ ты дѣлаешь то, что слѣдовало бы дѣлать имъ. Но гдѣ найдешь людей съ твоей простотой и добротой? Помню и тебя маленькая Катя, съ которой мы вмѣстѣ бѣгали въ садъ щипать ягоды, рвать яблоки и все тайкомъ. какъ будто бы запрещалъ кто брать ихъ. Я бѣгалъ въ простой бѣлой рубашечкѣ. Годами двумя ты была постарше меня. Лѣтъ черезъ 18 я встрѣтился опять съ тобою. Мы встрѣтились какъ старые друзья, какъ старые знакомые и назвали другъ друга такъ, какъ звали въ дѣтствѣ. Скоро что-то болѣе, чѣмъ дѣтская дружба проглянула въ нашихъ отношеніяхъ. Но... мы разстались и для меня и для тебя были другія встрѣчи. Но и теперь, когда измученное сердце думаетъ о покоѣ, я рисую себѣ твой свѣтлый образъ и замолкаетъ на нѣсколько времени тревожное сердце.

„Разъ повезли меня къ дядѣ. Пугливо я смотрѣлъ на его комнаты въ старинномъ домѣ. Что ты такъ смотришь, сказалъ мнѣ дядя. Пора тебя отдавать въ училище. Смотри, учись хорошенько. Не боялся я школы, но мнѣ страшно было остаться въ Москвѣ. До сихъ поръ мнѣ тяжело бываетъ въ Москвѣ. Люблю священный Кремль. Люблю при видѣ твоихъ вѣковыхъ памятниковъ, бѣлокаменная, помечтать о минувшей судьбѣ Руси, о твоёмъ высокомъ значеніи въ прошедшемъ Россіи. Сильно бьется сердце, когда увижу твои, Москва, золотыя маковки, увѣнчанныя крестами. Люблю съ благоговѣйнымъ чувствомъ молитвы повергаться предъ твоею святынею. Но тяжело бываетъ мнѣ, когда смотрю на этотъ приливъ и отливъ народа. Всѣ мнѣ чужіе, всѣ незнакомые; ни одного тутъ теплаго ко мнѣ сердца. Сколько величія тутъ, сколько богатства и только сильнѣе поражаетъ душу сознаніе своего ничтожества. Мнѣ всегда какъ то пріятнѣе было въ маленькомъ мѣстечкѣ смотрѣть на одинокіе огоньки, въ зимнюю пору свѣтящіеся въ каждомъ маленькомъ домикѣ. Меньше огня, но теплѣе сердца живущихъ въ нихъ. Меньше дома, но покойнѣе и довольнѣе

ихъ обитатели. Каждый домъ — это свой міръ, у него свои радости, свои скорби, немного нуждъ у нихъ, но нѣтъ имъ дѣла до другихъ. Можетъ быть потому грустно мнѣ всегда въ Москвѣ, что много грустныхъ потерь въ ней пришлось испытать. Одного за другимъ опускалъ я въ ней въ могилу близкихъ моихъ родныхъ, оставлявшихъ мнѣ одни только скорби и заботы. Или потому, что моя юность прошла въ тишинѣ сельскаго уединенія. Не болѣе трехъ мѣсяцевъ прожили мы въ Москвѣ и насъ повезли опять въ деревню. Какъ безпріютные и бездомные скитались мы, пока ладья жизни не выброситъ насъ куда нибудь. Мы поселились у Молчановой ¹⁾. Часто я бывалъ здѣсь и послѣ и всегда любовался прекраснымъ мѣстоположеніемъ этого сельца (Абрамцева близъ Хотькова). Домъ съ мезониномъ стоитъ на горѣ, по косоугору прямо противъ терассы дома расположенъ англійскій садъ, влѣво садъ образуетъ паркъ и на цѣлую версту вьется по косоугору дорожка, которая оканчивается бесѣдкою, устроенною на обрывѣ горы. Любилъ я тутъ сидѣть. Прямо за рѣкой былъ густой еловый лѣсъ. Что то мрачное витало надъ нимъ. Люблю я зимой вѣчно зеленныя сосны и ели; навѣрно отъ дѣтскихъ разсказовъ остался у меня доселѣ страхъ при видѣ густаго еловаго лѣса. Много скорбей вынесла добрая Молчанова. Овдовѣвъ невѣстою, ты провела жизнь свою болѣе въ деревнѣ. Тамъ ты сосредоточила всѣ свои воспоминанія; тамъ у тебя были долины юности, долины радости, долины скорби. Книги, молитва были твоимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Живую свою натуру ты закрыла маской холодности. Но тебѣ я обязанъ первыми уроками знанія приличій свѣта. И какъ умно, какъ тонко ты учила, не давая замѣтить, что учишь. И теперь помню, бѣгая по дорожкамъ сада, усыпаннымъ пескомъ, я собиралъ его къ себѣ и перетаскивалъ на другое мѣсто. „Петруша, Петруша! оставь песокъ, онъ нуженъ для дорожки“. И песокъ оставлялся и рубашечка опускалась“.

Пяти лѣтъ П. С-чъ былъ отвезенъ въ Виѳанію, гдѣ въ семинаріи обучались его старшіе братья. П. С-ча помѣстили въ слободкѣ близъ семинаріи у одного своекоштнаго семи-

---

¹⁾ В. И. Молчанова была почитательница пр. Кирилла и по особенному расположенію къ нему дала пріютъ въ своемъ домѣ семьѣ Лосевыхъ.

нариста. Отсюда онъ ходилъ въ семинарію къ братьямъ учиться. Многое въ это время пришлось вытерпѣть ребенку. Самое скудное содержаніе, непосильные труды, частыя вразумленія побоями вредно отозвались на слабомъ организмѣ П. С-ча и были можетъ быть немаловажною причиною его послѣдующей болѣзненности. Старшіе братья воспитывали Петра по тогдашней методѣ сурово и часто прибѣгали къ стеганію розгами, какъ лучшей педагогической мѣрѣ. Почти каждый день ему приходилось быть высѣченнымъ. Семинаристъ, у котораго жилъ П. С-чъ, обходился съ нимъ жестоко и сѣкъ его за всякую провинность. Случалось, что его сѣкли два раза въ день—въ семинаріи братья, а дома семинаристъ. Чтобы избѣжать двукратнаго сѣченія Петръ часто отъ братьевъ не шелъ обѣдать домой, гдѣ его ожидало вразумленіе розгами отъ рукъ сожителя семинариста, а голодный просиживалъ гдѣнибудь подъ кустомъ. Не малымъ затрудненіемъ для ребенка было ежедневное хожденіе въ семинарію. „Я пятилѣтній ребенокъ, пишетъ П. С-чъ, осенью увязалъ въ грязи, и не въ силахъ былъ вытаскать ноженокъ и останавливался и плакалъ, пока ктонибудь не вытаскивалъ меня“.

Изъ приведенныхъ нами дѣтскихъ воспоминаній П. С-ча видно, что онъ былъ мальчикъ впечатлительный, съ нѣжною, поэтически настроенною душою, но суровые толчки жизни еще съ дѣтства, рано закалили его характеръ, сообщили ему нѣкоторую суровость и желчность, которая могли нѣсколько отталкивать отъ него людей мало его знавшихъ.

„Такъ я началъ учиться, пишетъ П. С-чъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, и съ пяти до двадцати двухъ лѣтъ провелъ въ школахъ. Я былъ тихъ, учился порядочно, но въ первые годы часто подвергался наказаніямъ по своей простотѣ. Старшіе меня заставляли бывало слѣлать или сказать какуюнибудь глупость, какой я не понималъ, а меня наказывали. Для образованія нравственнаго характера моего важно было вліяніе одного добраго учителя ¹⁾. Онъ возбудилъ во мнѣ любовь къ молитвѣ. Помню я, семилѣтній мальчикъ, по цѣлымъ часамъ стаивалъ на колѣнахъ,

---

¹⁾ Студента Академіи, который приглашенъ былъ учить П. С-ча.

читая каноны и акаѳисты по молитвеннику. Часто дѣтскія слезы падали на молитвенникъ. По цѣлымъ днямъ иногда просиживалъ я за Чети-Минеей, писанной краснорѣчивымъ перомъ святителя Димитрія. Подвиги мучениковъ рождали желаніе мученичества; явленія Господа и святыхъ возбуждали желаніе видѣть ихъ. Иногда подолгу молился я, чтобы удостоиться подобныхъ явленій. И въ дѣтскихъ снахъ являлись образы священные. Не вамъ ли, священныя минуты дѣтской молитвы, обязавъ я былъ тѣмъ, что во время юношескихъ лѣтъ, когда настаеетъ пора развитія страстей, я живымъ религіознымъ чувствомъ огражденъ былъ отъ искушеній молодости? Я взятъ былъ отъ добраго учителя и поставленный въ кругъ товарищей, которымъ чуждо было мое направленіе, ослабѣвалъ и самъ въ усердной молитвѣ. Но Провидѣніе бодрствовало надо мною. Вновь стало пробуждаться религіозное чувство. Частая молитва очищала душу“.

Въ 1832 году, двѣнадцати лѣтъ П. С-чъ поступилъ въ риторическій классъ Виѳанской семинаріи. Для двѣнадцати-лѣтняго мальчика началась школьная жизнь суровая, полная лишеній, съ духомъ грубаго стараго бурсацизма, жизнь, которая на нѣжныя и впечатлительныя натуры дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, оставляя навсегда въ душѣ горькій осадокъ. Этимъ объясняется, почему П. С-чъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ мрачныхъ краскахъ изображаетъ семинарскую жизнь, не отмѣчая свѣтлыхъ сторонъ. Первые дни пребыванія въ семинаріи оставили въ П. С-чѣ тяжелыя впечатлѣнія. „Пріѣхавъ въ семинарію, пишетъ онъ, по обычаю я явился къ инспектору, который и назначилъ мнѣ для помѣщенія комнату. Взявъ подъ мышку тюфякъ свой, я пробираюсь чрезъ одну комнату, чтобы пройти въ назначенную мнѣ. Въ ширину всей комнаты, схватившись за руки, ходятъ взадъ и впередъ нѣсколько учениковъ. Я по неволѣ задѣлъ одного изъ нихъ тюфякомъ. „Что ты толкаешься? закричалъ онъ на меня. А ты, что не посторо-нишься, отвѣчалъ я. Какъ? раздалось со всѣхъ сторонъ, нашему брату такъ отвѣчать! Не успѣлъ я положить тюфякъ, какъ человекъ тридцать окружили меня съ вопросами: въ какое отдѣленіе поступаешь? какъ тебя зовутъ? изъ какого училища? Я отвѣчалъ дрожа весь и не пони-

мая ничего кому такъ, кому иначе, не зная совсѣмъ изъ за-
чего такая буря. „Да мы тебя мальчишку сгноимъ на ко-
лѣнахъ, распечемъ, что небу будетъ жарко, исключимъ изъ
семинаріи“. Но вотъ въ толпу ихъ входитъ одинъ мнѣ зна-
комый, успокоивъ нѣсколько пьяныхъ товарищей, подхо-
дитъ ко мнѣ. Я было протянулъ руку къ нему, чтобы по-
здороваться: онъ не далъ своей руки. Послѣ я узналъ, что
старые риторы не подаютъ руки молодымъ, считая униже-
ніемъ для себя. И когда чрезъ годъ одинъ изъ старыхъ
риторовъ, самый слабый ученикъ, сталъ давать молодымъ
руку, то они исключили его изъ своего общества, какъ от-
верженнаго. Если бы я былъ знакомъ тогда съ индійской
исторіею, то въ лицѣ ихъ увидѣлъ бы браминовъ, которыхъ
оскверняетъ прикосновеніе насъ паріевъ, молодыхъ рито-
ровъ. Но тогда мнѣ показалось страннымъ это. „Что ты на-
дѣлалъ“, строго сказалъ онъ мнѣ. Я рассказалъ ему. „Да
какъ же ты могъ сказать это старому ритору“. „Да вѣдь я
тоже риторъ“, отвѣчалъ я. „Какъ тоже? вѣдь онъ старый
риторъ. Теперь плохо тебѣ будетъ, всѣ они противъ тебя“.
И послѣ этого объясненія я ничего не понялъ, но у меня
родилось смутное представленіе, что старый риторъ есть что
то особенное, высшее меня, до чего нельзя дотрогиваться,
что можетъ меня сильно проучить. „Смотри же, прибавилъ
онъ, будь почтителенъ, какъ спросятъ вставай, въ слухъ
при нихъ не говори“. „Какъ же мнѣ узнать, кто старый и
кто молодой риторъ?“ „Молодые всѣ сидятъ на кроватяхъ,
а старые ходятъ и громко говорятъ. Ну если ты по незна-
нію сдѣлалъ это, такъ я попрошу ихъ, чтобы простили тебя“.
А вины у меня много было предъ ними. Кромѣ того, что
я толкнулъ одного и сказалъ ты, я не всталъ еще предъ
ними, когда они окружили меня и стали ругать. Наконецъ
одинъ изъ нихъ догадается, закричалъ на меня: какъ ты
мальчишка смѣлъ сидѣть предъ нами, и стащилъ меня за
руку съ кровати. Ходатайствовалъ ли за меня мой знако-
мецъ и его ходатайство не принято, или не посмѣлъ заик-
нуться предъ товарищами, но мнѣ не было облегченія. Одинъ
за другимъ являлись старые риторы ругать меня, указы-
вали на меня пальцами, писали на бумажкахъ мое имя,
прибавляя разные угрозы. Напрасно вскакивалъ, я предъ
каждымъ изъ нихъ, вытягивалъ руки, плакалъ, ихъ злоба

на меня повидимому усиливалась. Три дня терпѣлъ я эти нападенія и наконецъ рѣшился было бѣжать изъ семинаріи домой и совсѣмъ уже не учиться; пускай родные пошлютъ меня куда хотятъ, только не въ семинарію.

Наконецъ открылись классы, распредѣлили насъ по комнатамъ окончательно, и гдѣ помѣстили меня, тамъ не было ни одного стараго ритора. Я вздохнулъ немного свободнѣе. Но за то начались классы и въ нихъ новыя пытки старыхъ риторовъ. Для каждаго урока у насъ назначалось два часа, мы собирались прямо по звонку, но наставникъ приходилъ чрезъ полчаса, а иногда позднѣе. Приходя въ классъ молодые риторы тотчасъ садились за парты, а между тѣмъ старые ходили по классу, кричали и шумѣли. Одинъ изъ нихъ имѣлъ обычай влѣзать съ ногами на столикъ, поставленный для профессора и пѣть какую нибудь цинически гадкую или смѣшную пѣсню, причитать, поднимая ноги, разныя прибаутки, пересыпая ихъ крѣпкими словами. Въ это время товарищи смотрятъ на молодыхъ риторовъ, ходя около партъ, не улыбнется ли кто нибудь, не положитъ ли руку на парту, Если что-нибудь подобное замѣтятъ, тотчасъ подбѣгаютъ съ вопросомъ о фамиліи, записываютъ и угрожаютъ внести въ журналъ. Въ каждомъ классѣ семинаріи избирался цензоръ, обыкновенно первый ученикъ, ему давался журналъ, въ которомъ онъ записывалъ, чѣмъ занимались въ классѣ, наставникъ подписывалъ и журналъ представлялъ ректору. Въ этомъ журналѣ была графа: всѣ ли въ классѣ и хорошо ли себя вели. Несчастнаго, который попадалъ въ послѣднюю графу съ неодобрительнымъ замѣчаніемъ, немедленно постигало наказаніе обыкновенно простоять классъ на колѣняхъ. Въ страхѣ отъ подобной участи мы обыкновенно вытягивались предъ старыми риторами и просили прощенія. Мнѣ по крайней мѣрѣ и въ голову не приходило подумать: законно ли записать въ журналъ какъ дурно ведущаго себя въ классѣ человѣка за то, что онъ улыбнулся на дурачество стараго ритора, или за то, что положилъ руку на парту, или нагнулся, тогда какъ старые риторы прыгали, кричали, хохотали, ходили по классу. Разъ я не утерпѣлъ, чтобы не улыбнуться, но боясь старыхъ риторовъ закрылъ лицо платкомъ. Они подумали, что я плачу и мой знакомецъ подошелъ утѣшить меня, говоря: не плачь, тебя не запишемъ

въ журналъ“. Мнѣ пришлось сдѣлать кислую гримасу вмѣсто улыбки, чтобы подтвердить, что я точно собираюсь плакать. Великъ былъ нашъ страхъ предъ старыми риторамн. Однажды всѣхъ старыхъ раторовъ потребовали на большой греческій классъ. По малому числу наставниковъ ученики богословскаго и философскаго класса собирались вмѣстѣ для обученія греческому языку, а раторовъ училъ лекторъ изъ учениковъ богословскаго класса. Тоже было при преподаваніи нѣмецкаго и французскаго языка. Старыхъ раторовъ вызывали на экзаменъ въ большой классъ греческаго языка, чтобы знающихъ лучше оставить съ учениками богословія и философіи, а слабыхъ съ молодыми риторамн. Ушли всѣ, но остался одинъ вѣроятно потому, что ничего не зналъ по гречески, но вмѣстѣ ему хотѣлось поважничать предъ нами. Онъ заранѣе должно быть готовился къ этой роли и потому явился во фракѣ. Мы всѣ сидѣли смирно, не смѣли шепнуть другъ съ другомъ, не пошелохнуться; онъ началъ расхаживать по классу, вынулъ карандашъ и четвертку бумаги и подходя то къ тому, то къ другому ученику. спрашивалъ фамилію, мѣсто рожденія, иногда лѣта и повидимому записывалъ все это; когда онъ спрашивалъ кого, предъ нимъ вставали, и потомъ онъ снисходительно говорилъ: садитесь. Подошелъ ко мнѣ. „Сколько вамъ лѣтъ? Вытянувшись въ струнку я отвѣчалъ: двѣнадцать. При этомъ словѣ вдругъ растворяется дверь и входитъ инспекторъ. Нашъ старый риторъ тотчасъ спрятался подъ парту и просидѣлъ тамъ смирно, пока инспекторъ прошелъ по классу и осмотрѣлъ. Послѣ ухода инспектора нашъ старый риторъ вылезъ изъ подъ парты и продолжалъ разыгрывать прежнюю роль. Мы не смѣли подать и знака неуваженія къ нему. Черезъ годъ за неспособность исключили его изъ риторики.

„Хотя цензоръ былъ и старый риторъ, но не легко было ему брать на свою отвѣтственность записывать въ журналъ кого либо изъ шалуновъ раторовъ за нескромное поведеніе въ классѣ, когда старые риторы вели себя такъ безпорядочно. Притомъ цензоръ былъ человѣкъ тихій. Но по настоянію товарищей онъ два раза записывалъ въ журналъ молодыхъ раторовъ и они простояли на колѣнахъ въ классѣ. Съ торжествомъ старые риторы указывали на нихъ и угро-

жали всѣмъ подобною участію. Какъ инспекторъ, не разобравъ дѣла и не разузнавъ всего, наложилъ на нихъ наказаніе,—этого я не знаю. Покрайней мѣрѣ мы не знали никакой вины за наказанными, а только слышали, что будто они не совсѣмъ учтиво отвѣтили старому ритору. Старымъ риторамъ хотѣлось каждый классъ записывать по нѣскольکو человѣкъ молодыхъ риторовъ въ журналъ, чтобы они испытали всю силу ихъ могущества, но цензоръ не соглашался на это. Находя его слишкомъ слабымъ, они отправились къ начальству просить новаго цензора. Не знаю, что и какъ они говорили и какъ имъ отвѣчали—это осталось для насъ молодыхъ секретнымъ. Мы узнали только изъ расправы профессора риторики ¹⁾. Приходитъ онъ въ классъ и заставляетъ моего знакома, стараго ритора читать басню Крылова „Лягушки просящія царя“. Когда тотъ прочиталъ, профессоръ спрашиваетъ: „нельзя ли приложить этой басни къ тебѣ“? „Не знаю“, отвѣчалъ тотъ. Въ самомъ дѣлѣ, благосклонный читатель, нужно большое остроуміе, чтобы къ старымъ риторамъ, просившимъ новаго цензора, приложить басню Крылова о лягушкахъ. „Ты лягушка“ сказалъ профессоръ, ты ходилъ просить новаго цензора.“ „Ходилъ“, отвѣчалъ тотъ. Профессоръ далъ ему пощечину и въ слѣдъ за нимъ посыпались пощечины на всѣхъ сидѣвшихъ на первой партѣ, исключая цензора, и тотчасъ человѣкъ восемь старыхъ посланы были на послѣднюю парту. Не радость, а ужасъ объялъ сердца наши когда мы увидѣли, какъ расправляются со старыми риторамъ: что же будетъ съ нами молодыми? Скоро старые риторы возвращены были на прежнія мѣста и въ теченіе двухъ недѣль сидѣли на правой сторонѣ, не смѣшиваясь съ молодыми. Въ помощь прежнему цензору назначенъ былъ другой изъ молодыхъ риторовъ. Но силы и значенія онъ не имѣлъ; впрочемъ старые обходились съ нимъ ласково.

„Первое время старые риторы брали надъ нами перевѣсъ знаніемъ риторики и умѣньемъ сочинять хриі. Тогда какъ мы приучались только по циркумстанціямъ: quis? quid? cur? quomodo? quando? и повторяли вслѣдъ за Бургиемъ: Honores mutant mores, honoribus saepe mores mutari, nihil, mirum est. O!

---

¹⁾ Профессоромъ словесности былъ И. П. Соколовъ.

honores, quam saepe mores mutatis, потомъ учились писать періоды простые и сложные, начиная отъ причиннаго до раздѣлительнаго и условнаго, придумывали тропы и сочиняли фигуры, старые риторы писали хриі порядочныя, превращенныя перваго и втораго рода и автоніанскія. Помню съ какимъ торжествомъ глава и столпъ претензій стараго риторства Ирисовъ, прочитавъ хрию, въ заключеніи обыкновенно по примѣру Бургія говорилъ: itaque o juvenes и проч. и бросалъ самодовольный взглядъ на насъ молодыхъ, которымъ хрия казалась чѣмъ-то несказанно мудренымъ и непостижимымъ. Но свѣжесть и живость дарованій были на нашей сторонѣ. Нерѣдко случалось, что при переводѣ Цицерона или Плинія смыслъ затруднительныхъ мѣстъ мы скорѣе отгадывали, нежели старые риторы. Была еще наука—гражданская исторія, гдѣ я своими свѣдѣніями затмилъ всѣхъ старыхъ. Еще до поступленія въ семинарію мнѣ удалось много читать Роллена и исторію Карамзина. Болѣе интересные рассказы въ молодой памяти сохранились почти буквально. Это замѣтилъ профессоръ исторіи и сдѣлалъ меня аудиторомъ надъ старыми риторами. Такъ какъ профессоръ во время класса не могъ спросить всѣхъ, знаютъ ли они уроки, то назначались изъ лучшихъ учениковъ аудиторы, которые должны были прослушать до прихода профессора въ классъ подчиненныхъ имъ и отмѣтить степень знанія ихъ особой нотатѣ. Отмѣчали по латынѣ: знаетъ не все, не твердо, не знаетъ. Сами аудиторы также обязаны были давать отчетъ въ урокахъ. По классу риторики всѣ старые риторы слушались у старыхъ; изъ молодыхъ сдѣланы были аудиторами человекъ три и то надъ младшими, болѣе слабыми. Но по исторіи мнѣ подчинили самыхъ главныхъ ревнителей чести стараго риторства. Разумѣется я не смѣлъ ихъ спрашивать и писалъ въ нотатѣ объ каждомъ „знаетъ“ соглашаясь лучше подвергнуться наказанію отъ профессора за неправильный отзывъ, нежели спрашивать уроки у старыхъ риторовъ. Но имъ показалось оскорбительнымъ и то, какъ я могу рекомендовать ихъ. Однажды они подходятъ ко мнѣ и требуютъ, чтобы я записалъ ихъ всѣхъ незнающими. Я отвѣчалъ, что не смѣю. „Пиши, мальчишка, тебѣ велятъ. Мы за волосы тебя притащимъ къ нотатѣ и заставимъ писать“. „Ну, если хотите,